

№ 5

«DIELO TROUDA» Journal Mensuel
Переписку по делам журнала, рукописи и пр. направлять по адресу:
M. Ferandel, 14, rue du Repos, Paris (20e)

ОКТЯБРЬ 1925

ЕДИНЫЙ ПРОЛЕТАРСКИЙ ФРОНТ

Лозунг единого пролетарского фронта стал за последние несколько лет «ходячею фразой». Нет страны, где бы вопрос единого фронта не дебатировался. Нет рабочего конгресса, на котором бы он не обсуждался.

Вопрос действительно серьезный, заслуживающий самого внимательного отношения к себе со стороны рабочего класса. Натиск мирового капитала на труд растет, принимая формы организованного наступления и становясь всеобщим. Буржуазия разных стран прекрасно поняла, сколь грозная для нее революционная ситуация создалась после войны и на краю какой пропасти оказался капитализм в 17-18 гг.

Начатое ею наступление на труд шло через всю Европу, последовательно убивая революцию в Венгрии, в Баварии, Италии и насаждая в побежденных местностях диктатуру фашизма. В 1924 г. наступление это привело к плану Дауса, экономически закабаляющему рабочих всех стран мировым капиталом, и в самое последнее время нашло свое яркое выражение в росте Лиги Наций, созданной формально, якобы, для предотвращения войн, а на самом деле предназначенной, главным образом, для организованной борьбы с мировым рабочим движением путем об,единения всех буржуазно-капиталистических сил в один военный союз.

Общая цель наступления буржуазии — преодолеть революционную ситуацию и революционные движения в массах и «загнать» последние в обычный станок капиталистического режима.

Вполне, следовательно, здорова и жизненна мысль — противопоставить этому наступлению единый фронт мирового пролетариата. И каждый искренний сторонник рабочего дела должен бы лишь приветствовать эту мысль и делать все возможное для ее осуществления.

Несчастье, однако, состоит в том, что вокруг этого вопроса, как вокруг проблемы труда вообще, накопилось много «политики» в грязном смысле этого слова. Поэтому, чтобы не впасть в ошибку и не стать жертвой той или иной авантюры, следует разносторонне рассмотреть вопрос и найти пути его решения.

Первые попытки создания единого профессионального движения были предприняты летом 1921 года на международн. конгрессе красных профсоюзов, в Москве, созванном по инициативе Центр. Совета русских профсоюзов (В.Ц.С.П.С.).

На конгрессе был поставлен вопрос о подчинении мирового профдвижения руководству Коминтерна. Вопрос провалился ввиду того, главным образом, что многие заграничные делегаты оказались воспитанными на принципе независимости рабочего движения от политических партий (анархо-синдикалисты, революционные индустриалисты). Формула «подчинения» была заменена формулой «контакта», из которой фактически ничего не вышло. Но конгресс положил начало Профинтерну, который сразу же повел тактику раскола профдвижения в разных странах и присоединения к себе левого крыла. Подобная тактика дала, однако, меньшинство Профинтерну. Большинство осталось за Амстердамским интернационалом. Установившееся равновесие оказалось не к выгоде большевиков. Тогда последние стали настойчиво выдвигать идею единого пролетарского фронта. И на этой почве добились успехов, но лишь в некоторых странах. Так, например, на недавнем с,езде Французской Конфедерации Труда они понесли полное поражение. Зато на последнем — 57-м — конгрессе английских трэд-юнионов в Скарборо они одержали большую победу, получив от конгресса санкцию на сближение английского рабоч. движения с русским профдвижением.

До этого конгресса большевики и Генеральный Совет трэд юнионов вели усиленную политику по сближению английск. раб. движения с Профинтерном. Конгресс единогласно одобрил эту политику.

Касаясь вопроса единого фронта, представитель русских профсоюзов Томский заявил: «Вопрос не в том, чтобы русские профсоюзы вошли в Амстердамский интерна-

ционал, а в том, чтобы из существующих двух интернационалов — Амстердамскаго и Профинтерна — и многочисленных профсоюзных организаций, которые не входят ни в тот, ни в другой, создать единый интернационал профсоюзов».

Томский, прекрасно осведомленный о существовании третьего рабочего интернационала — Международного Товарищества Рабочих, являющегося, при том, подлинно революционным и единственно независимым от политических партий, совсем не каснулся его. Как укажем ниже, вышло это у него не случайно, а вполне сознательно.

Сближение английского рабочего движения с большевиками представляет, по нашему, акт не менне вредный и опасный, чем то, что до сего времени движение это находилось на поводу у Амстердамского интернационала, руководимого прихвостнями буржуазии. Тактика единого фронта, проводимая большевиками, преследует специфически большевистские задачи, ничего общего не имеющие с задачами мирового революц. движения трудящихся. За революционной фразеологией большевиков, за всей политической деятельностью Профинтерна, за его гибкой тактикой «подчинения», «контакта», «раскола» и «единого фронта» стоит феодал, зорко следящий за всеми проявлениями мирового рабочего движения и стремящийся сделать это последнее своим слугою. Феодал этот — московское правительство, состоящее из центральной группы Росс. Ком. Партии.

Ни для кого не секрет, что Коминтерн создан Росс. Ком.Партией в качестве подсобного ей органа, предназначенного руководить, по ее директивам, работой компартий всех стран в целях повсеместного установления диктатуры большевизма. Хотя в Коминтерне представлены компартии разных стран, тем не менее влияние и значение в нем Р. К. П. значительно больше влияния всех остальных партий, вместе взятых. Собственно, полновластным хозяином Рос. ком. Партии, а затем и Коминтерна всегда была небольшая группа во главе с Лениным. Со смертью последнего эта власть осталась в Центр. Ком. Р.К.П.

Профинтерн также был создан по директиве Росс. Ком.Партии. Его прямым и единственным назначением было — осуществлять волю московского правительства в области мирового рабочего движения. Таким образом, тактика единого фронта, усиленно проводимая коммунистами, является ничем иным, как политической стратегией московского правительства.

К чему же ведет эта стратегия, какова ее цель? Как известно, в 1917-18 гг. большевики провозгласили в России коммунизм, который под их руководством должен был заступить место капитализма. Но это был лишь величайший обман с их стороны: под прикрытием лозунгов коммунизма и соц. революции они захватили материальные рессурсы страны, которыми в первую очередь укрепили свое государственное положение и занялись делом, прямо противоположном коммунизму Если из русской революции выключить акты, совершенные непосредственно крестьянами и рабочими в течении лета и осени 1917 г., т.е. ниспровержение земельного и промышленного строя России, то в остатке получится то, что было совершено большевиками за годы их владычества, т.е. всеобщее огосударствление политической и хозяйственной жизни страны, плюс государственный террор.

Государственное производство и государственное распределение в стране составляли центральную задачу большевиков в революции. Огосударствлялось все: промышленность, транспорт, торговля, органы продовольствия, образование, профессиональные и кооперативные организации рабочих и крестьян и т. д. В результате рабочий класс и крестьянство оказались вновь порабощенными экономически, политически, социально и духовно,— только на этот раз не отдельными капиталистами, а одним вездесущим хозяином-капиталистом — государством.

Проделанный в России опыт всеобщего огусударствления составлял лишь первый шаг большевиков. Руководящая группа Центр. Ком. Росс. Ком. Партии все время помышляла о мировом господстве и соответственно этому направляла деятельность Коминтерна, Профинтерна и местных компартий. Ближайшей задачей дня в первые годы революции являлся захват власти в Германии, затем во Франции и через это — большевизация всей Европы. Нетрудно видеть, что, в случае успеха, во всех странах было бы проделано то же, что и в России, т.е. всеобщее огосударствление на почве полнейшего порабощения рабочих классов.

Такова та цель, которой настойчиво добивается московское правительство..

Однако, в самой России большевики с 1921 года перешли на дореволюционный капиталистический режим, восстановив в прежней форме наемный труд, частную собственность, частную эксплуатацию, накопление частного капитала и т. д.

В последние годы они ведут переговоры об окончательном соглашении с капиталистическими державами. Соглашение это не за горами. Не сегодня,— завтра оно будет совершившимся фактом.

В таком случае возникает вопрос,— какую же цель преследует продолжаемая ими тактика единого пролетарского фронта, тактика взрывов, их колониальная политика?

Цель у большевиков в настоящее время несомненно двоякая.

Во-первых, они сознают, что в Европе, Америке, отчасти в Азии общая ситуация продолжает оставаться революционной. Поэтому они не упускают из вида мысли, в случае если где либо, главным образом в Европе, начнутся революционные события, быть во главе их и добиться своей основной цели,— господства в Европе, а затем и дальше. Они считают, и вполне правильно, что если революционная ситуация будет крепнуть в мировом масштабе, то рабочий класс начнет искать революционных путей. Лидеры же социалистических партий, руководящие Амстердамским проф. об,единением, окажутся, при этом, неспособными на революционную борьбу. Наоборот, они в большинстве своем окажутся в рядах защитников буржуазнаго строя. Поэтому коммунисты не сомневаются в том, что об,единение Профинтерна и Амстердамского интернационала в конце кон-

цов приведет их к руководству всем об'единенным движением.

(Теперь понятным становится, почему Томский, говоря о едином фронте, останавливался лишь на Профинтерне и Амстердамском об,единении и совсем не каснулся Международного Товарищества Рабочих, группирующего вокруг себя хотя и небольшую (до полутора миллионов человек), но наиболее революционную и независимую часть рабочего класса: большевики видят в этом Революционно-Синдикалистском Интернационале своего врага слева, ведущего активную борьбу против партийной гегемонии в международном рабочем движении и прекрасно разбирающегося в истинном характере большевистского единого фронта).

Вторая, не менее, а пожалуй, более конкретная, цель, преследуемая большевиками, состоит в том, чтобы добиться для себя лучших условий в деле соглашения с международной буржуазией. Будучи тесно связаны с европейским пролетариатом и имея возможность опираться на его революционные силы, большевики тем самым приобретают больше веса и силы в своих переговорах с капиталистическими державами и в конечном счете, благодаря тактике единого фронта, лишь укрепят свое положение в общей сети капиталистических государств.

Расчет, следовательно состоит в том, чтобы дороже продаться буржуазии, чтобы больше получить от нее за измену социальной революции.

Мы, видим, таким образом, какой грязный слой «политики», партийной лжи и обмана нарос на идее единого пролетарскаго фронта.

Мы приветствуем пробуждение революционного духа в рядах английского пролетариата и стремление последнего встать на путь прямой активной борьбы с капиталом. Давно пора, чтобы трудящиеся мира восстали и опрокинули угнетающее их чудовище — капиталистическую систему, построив на место ее свободное равенственное общество тружеников.

Но мы считаем, что английские рабочие совершили крупную принципиальную и тактическую ошибку, без оглядки подав руку московскому правительству в лице его агента Профинтерна. Лидерам Трэд-Юнионов должно быть известно, что рабочее движение в России раздавлено и порабощено как раз теми, кто явился на конгресс Трэд-Юнионов в качестве его представителей; что свободы рабочих професс. организаций там нет и в помине и что всякая попытка со стороны рабочих встать на путь самоорганизации и независимости беспощадно преследуется большевистской властью. Свидетельством этому служат тысячи рабочих, отдавших всю жизнь на революционное служение своему классу и убитых большевиками или загнанных на каторгу за активную преданность идеалам трудящихся.

Единый фронт пролетариата в борьбе с капиталом жизненно необходим. Но в настоящих условиях, когда рабочее движение разорвано на части и в большинстве своем подчинено политическим партиям, он явится ничем иным, как простым орудием этих партий. Чтобы он стал подлинным фронтом труда, необходимо рабочим каждой данной страны порвать свою зависимость от государственнических партий, установить у себя методы прямой революц. борьбы и создать интернациональную связь непосредственно между рабочими организациями. (На этот путь становится Международное Товарищ. Рабочих.).

Тогда международный пролетариат, к которому большевики обращаются с идеей единого фронта, в первую очередь потребует от них раскрепощения русских рабочих и крестьян, возврата им прав на свободную организацию и свободную защиту их классовых интересов, прекращения преследований революционных (социалистических и анархических) течений среди трудящихся России и освобождения из тюрем всех борцов рабочего класса. И тогда вопрос единого фронта окажется на прочном основании и будет правильно решен. В противном случае, кроме надувательства трудящихщихся, лжи и обмана, которые мы наблюдаем теперь, ничего из этого вопроса не получится.

П. Аршинов.

ПАМЯТИ В. Н. ЧЕРКЕЗОВА

Еще одну тяжелую утрату понесло наше движение: умер Черкезов — один из лучших и старейших товарищей, ветеран международного анархизма и русского революционного движения с самого его зарождения, в начале 60-хъ годов.

Из России Черкезов эмигрировал еще в 70-х годах и в позднейшее время бывал там слишком ненадолго, чтобы принимать заметное участие в русской общественной жизни. Поэтому *лично* его там знают немногие. Но заграницею кто из наших товарищей — русских, французов, итальянцев, немцев, англичан — не знает и не помнит его маленькой живой фигуры, его лица, полного безконечной доброты и безконечного привета ко всем тем, кого он считал своими,его мягкого,тихого голоса? Помнят все и как он преображался в споре с противниками: спорщик он был страстный и в эти минуты в нем выступала вся его южная страстность и нетерпимость. Да, много сердец во всех углах земного шара больно сжалось теперь при вести об утрате нашего старого друга...

История его жизни мало известна, а о ней стоит узнать побольше молодым поколениям.

Варлаам Николаевич Черкезов вошел в революционное движение очень рано. Родился он в 1846 году, на Кавказе, и происходил из рода грузинских князей. Как обыкновенно бывало в те времена с детьми аристократии, его отдали в военное училище, в кадетский корпус в Петербурге; и, тоже как часто бывало тогда, он вышел из корпуса не служителем царского режима, а юношей с симпатиями ко всему передовому. В 1864 году он познакомился и сошелся с членами каракозовского кружка; с этого времени его судьба была решена

и неразрывно связана с революционным движением. В 1865 году он поступил в Петровско-Разумовскую сельско-хозяйственную академию (в то время, да и много позднее — рассадник революционного студенчества), но в 1866 году, после покушения Каракозова на царя (первый акт русского террора) был арестован.

Благодаря своей молодости, Черказов был, однако, скоро выпущен и получил возможность работать в разного рода революционных кружках молодежи, до того момента, когда он попался во второй раз, вместе с кружком Нечаева. После процесса нечаевцев в 1871 году (не самого Нечаева, который был арестован в Швейцарии и выдан в Россию гораздо позднее) он был сослан, но из ссылки вскоре бежал, и в половине 70-х годов он уже находится заграницею, в кружках немногочисленной тогда русской эмиграции.

Взгляды Черкезова в то время уже были анархическими, но это не были специально взгляды *его* или близ кого ему кружка: все движение народнической молодежи тех годов было анархическим, по существу если не по названию; названиями вообще тогда мало интересовались и партий в современном значении, с определенными оффициальными именами, не было: все называли себя социалистами-революционерами и только разбивались на разные кружки, по тенденциям или по личным связям.

Заграницей Черкезов стал работать в нелегальных русских изданиях; в «Общине» (крайне интересной газете, выходившей в 1878 году) помещались его хроники русской жизни, замечательные по знанию дела и по выдержанности принципиального тона. Работал он и в других газетах, но к этому времени у него уже завязывались интернациональные связи и он скоро перестал жить той чисто-эмигрантской жизнью, в которой так легко мельчают люди. Как и Кропоткин, он входил в движение той страны, где жил, и в нем находил живое дело.

С момента основания Кропоткиным газеты «Le Revolté» в 1879 году — газеты, которая под разными названиями («La Revolte», «Les Temps Nouveaux») выходила до самой войны 1914 года и оказала нашему движению неоценимые услуги, Черкезов был вместе с Кропоткиным, с которым его связывала тесная дружба, деятельным членом тех численно неширокиx, но качественно замечательных анархических групп, которые втечение десятилетий несли светочь нашего движения. Из этой плеяды были и Реклю, и Малатеста, и Луиза Мишель — все те, которые самою своею личностью заставляли говорить: «Ведь есть же, должно быть, что-нибудь особенное в идее, которую исповедают *такие* люди!»

Когда, после долгого перерыва, в 90-х годах, среди русской молодежи заграницею стал вновь распространяться анархизм и возникли первые пропагандиские группы, Черкезов, как и Кропоткин, пошел сейчас же навстречу этим начинаниям. В нашей первой газете «Хлеб и Воля» мы находим его статьи; затем выходят его брошюры — на русском и на французском языках — посвященные главным образом критике марксизма и реформистской, чисто парламентской, программы социальдемократии.

Среди русской революционной публики это было время торжества социальдемократии, заносчиво попиравшей ногами все то, что было свято для старого революционного народничества. Оппозиция ей была делом крайне нужным, и Черкезов взялся за него. К этому времени относится его брошюра «Доктрины марксизма», в которой он показывает, на основании солидных исторических и философских аргументов, что знаменитая марксистская «ученость» имеет своим источником не научные данные нашего времени, а устаревшую метафизическую философию; что политико-экономические «открытия» Маркса — лишь повторение в видоизмененной форме того, что было сказано экономистами до него; что же касается марксистского социализма, то все главные его идеи заимствованы у тех самых социалистов утопистов к которым соц.-дем. относятся с таким презрением. Черкезов показывает, как еще Адам Смит, а позднее Томсон (1824) установил, что мерило всякой ценности есть *труд*, единственный создатель всех ценностей; как тем же Адамом Смитом, а затем Сисмонди и Дж. ст. Миллем, была высказана мысль о *прибавочной ценности* — украденной у рабочего доли труда, идущей на обогащение капиталиста. Понятие о *борьбе классов* тоже не было марксистским новшеством: его выдвинули передовые французские историки начала XIX-го века в противовес тогдашнему традиционному богословскому взгляду на историю, как на дело божественного Промысла. Но у этих историков «борьба классов» вовсе не имеет в себе ничего социалистического: они просто показывают, что именно разные сословия, классы, гильдии, общины и другие реальные человеческие группировки создавали историю. И Черкезов находит, что социалисты ничего не выигрывают, воспринимая эту идею либерально-демократических историков: им важна не жизнь разных классов в истории, а уничтожение всяких классов во имя экономического равенства.

Напомним еще работу Черкезова по исследованию источников «Коммунистического Манифеста» — вопрос, которому он посвятил большую главу своей брошюры и статью «У кого Маркс и Энгельс списали *Коммунистический манифест*?» («Хлеб и Воля», N 14). Страница за страницею он сличает эту знаменитую брошюру с брошюрою фурьериста Консидерана «Принципы социализма. Манифест демократии XIX века», вышедшей в 1873 г., и показывает тождество не только в мыслях, но даже и в способах выражения. В сущности, это неудивительно: все эти идеи были ходячими в социалистической среде 40-х годов; но по какому же праву в таком случае именно «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса прославляется как некое откровение?

В русской анархической литературе Черкезову принадлежит еще ряд других статей; из них интересно указать на одну, разбивающую ходячее мнение, будто анархисты отрицают политическую борьбу («Анархизм и политика», «Хлеб и Воля», N 3). Напомним также о его книжке по истории социализма, «Предтечи Интернационала», представляющую собою ценный вклад в нашу небогатую историческую литературу.

В революцию 1905 года Черкезов пробыл некоторое время на своем родном Кавказе, пока наступившая реакция не вынудила его вновь стать эмигрантом. В

это время и в последующие годы он начал усиленно заниматься судьбою Грузии: он страстно отстаивал ее право на независимость, и борьба за эту независимость стала в центре его интересов. В 1917 году он вернулся в Россию одним из первых, но в Петербурге и в Москве пробыл недолго и в августе уже уехал на Кавказ, чтобы там отдаться строительству новой жизни в своих родных местах. Среди своих земляков, без различия партий, Черкезов пользовался большим уважением; при его обширных знаниях и строгой принципиальной выдержанности, его влияние на них несомненно было самым плодотворным. Мы видели его здесь в Париже, когда он на время приезжал из Грузии; с каким увлечением он рассказывал о ее социальных и культурных завоеваниях, о широком культурном будущем страны! Видно было, что после стольких лет тяжелой эмигрантской жизни он, наконец, отдыхает душою... Но это продолжалось недолго: новое завоевание Грузии заставило его вновь сделаться изгнанником, вновь вернуться в свой старый, но теперь уже опустевший от старых друзей, Лондон. Там и кончил он жизнь 18 августа этого года.

Анархическое мировоззрение Черкезова было тесно связано со всеми идейными веяниями передовой европейской и русской мысли, со всеми философскими и научными завоеваниями нашего времени. Ему, как и Кропоткину, было совершенно чуждо то пренебрежительное, враждебное отношение к завоеваниям человеческой мысли, которое замечается в революционной среде теперь и которое исходит из того, что в нашем эксплуататорском обществе умственным трудом могут заниматься лишь немногие привиллегированные. Да, ученые, философы, литераторы по большей части выходят из буржуазной среды, но это не мешает тому, что их лучшие творения служат не порабощению, а освобождению людей; если бы это освобождение, если бы экономическое равенство противоречило умственному прогрессу, то над судьбою человечества нужно было бы поставить крест. Но такие люди, как Черкезов и Кропоткин, знали, что это не так, что серьезное *знание*, наоборот, дает уверенность в возможности справедливого, свободного общежития; и может быть потому, что у них было много знаний, у них было много и веры...

Шестьдесят лет прожил Черкезов с этою верою, а в последние годы, когда оборот, принятый русской революцией, разочаровал многих, многих отбросил далеко назад, он только говорил: «ничего, нужно только переждать несколько лет. Слишком долго русский народ держали в невежестве; ему трудно сразу стать на правильный путь. Наше время придет, скоро мы вновь сможем развернуть широко нашу работу». Черкезов не дожил до этого времени, но пусть его вера, его пример, вся его жизнь поддержат силы молодых товарищей

М. Корн.

ПАРТИЯ ЛИ?

(*К вопросу об организации наших сил*).

Среди практических вопросов нашего движения вопрос *организационный* занимает, несомненно, одно из главных, если не главное место. Анархическая печать, анархические с'езды и конференции в разных странах недаром уделяют ему, из года в год, столько внимания.

В настоящее время, однако, невозможно больше ограничиваться платоническим обсуждением вопроса и всякими добрыми пожеланиями. Жизненно необходимо *подойти к определенному решению*, принять тот или иной *принцип*, установить ту или иную *форму* нашей организации. Необходимо приблизиться *к конкретному выводу*.

С сожалением приходится отметить, что до сих пор ни наша печать, ни наши с'езды такого конкретного вывода не намечали, или почти не намечали. Единственное *конкретное*, что мне лично приходилось встречать в анархической прессе последнего времени, это — изредка и довольно робко бросаемые, там и сям, тем или другим товарищем мысли о необходимости организации анархической *партии*.

«Дело Труда», с своей стороны, приглашает (в N 4) высказываться на его страницах всем товарищам, кого организационный вопрос жизненно интересует. И в том же номере мы имеем статью товарища А. Чернякова, предлагающую все тот же конкретный вывод: *анархическую партию*.

В настоящей небольшой заметке мне придется поделиться лишь несколькими мыслями по этому поводу,— в надежде вернуться к вопросу более основательно в ближайшем же времени.

Меня всегда поражало, насколько нам свойственно *бросаться от одной неверной ограниченности к другой*, не умея — или не желая — искать более верных, хотя, быть-может, и более трудных путей.

Давно ли *иметь «председателя» на собрании* считалось принципиальным преступлением против анархизма? Проходит несколько лет, и — товарищи говорят об *организации анархической партии*. В котором же случае они правы? Или — ни в том, ни в другом?.. И не правы ли коммунисты, высмеивая эти наши ребячества (независимо от того, что у них самих имеется еще больше ребячеств, достойных нашего смеха)?..

Я лично нахожу мысль о *партии* такой же неверной ограниченностью (обратного порядка), какою было не так давно отрицание «председателя».

Термин *партия* выражает в наше время совершенно определенное понятие. В него вкладывается вполне точное содержание. Все партии, в социальном значении этого слова, являются (да являлись в сущности всегда) *идейно-политическими* организациями, стремящимися об'единить вокруг себя большие или меньшие массы *в целях либо удержания данной формы государства и власти, либо же борьбы против данных и установления измененных или совершенно новых форм власти и госу-*

дарства по пути осуществления того или иног осоциального идеала.

Анархисты принципиально отрицают власть и государство. Отрицают самый принцип замены власти и государства одних другими, как путь осуществления идеала.

Поскольку люди держатся за идею овладения властью в государстве, постольку они поступают совершенно логично, создавая для этой цели соответственный аппарат: партию.

Но зачем такой аппарат анархистам?

Правда, по этому поводу товарищи обыкновенно говорят: *мы должны организовать партию, но без властничества, без государственности, без опеки, без начальства* и т д. Так пишет и т. Черняков.

Но тогда я уж совсем ничего не понимаю.

Что же тогда остается от *партии*? Пустая оболочка без содержания? Скорлупа без зерна? Одно только *слово*, звук, название? Для чего же оно нам, и почему мы должны брать для совершенно иного содержания именно *это* замызганное, двусмысленное, дискредитированное слово — партия?..

Взять совершенно другое содержание и для чего-то наклеить на него неверный и нелепый ярлык? Зачем? Развѣ нам важно *слово*? А если нет, и если важно *содержание*, то зачем брать неудобное и неподходящее слово?.. Я, по крайней мере, не вижу в этом никакого смысла. Зато вижу определенную опасность.

В самом деле. Если вспомнить, что довольно многие товарищи все еще признают неизбежность и даже необходимость *политической деятельности* и *политических институтов* в революции и на другой день после нее и если допустить, что эти товарищи организуют *партию*, то я лично предвижу следующее: оставаясь *на словах* анархистами, эти товарищи будут *на деле* неизбежно вести *большевистскую линию действий*—, совершенно так же, как большевики, оставаясь на словах коммунистами, на деле неизбежно ведут буржуазную линию, раз они приемлют скорлупу власти и государства. Ибо и та, и другая скорлупа — и власть-государство, и партия — уже сами от себя порождают в дальнейшем определенное зерно. Этого обстоятельства нельзя забывать.

Ведь и большевики говорили и говорят, что это-де — *не те* власть и государство, а *какие-то другие*, с другим содержанием. Увы, содержание власти и государства всегда одно и то же и не может быть другим, как мы хорошо знаем. И вот мы собираемся сделать ту же ошибку в отношении партии. Мы говорим: это-де будет *не такая* партия, какие они обыкновенно бывают, а *какая то другая*, с другим содержанием. Увы, содержание партии, на мой взгляд, всегда одно и то-же и не может быть другим. Или — это не партия.

Мне кажется, одно из двух:

Или мы отбрасываем властничество, государственность и пр., берем совершенно иное содержание, и тогда — зачем нам голое слово «партия», когда вопрос вовсе не в слове, а именно в содержании, т.е. не в том, как нам *называться*, а в том, как нам *быть*.

Или мы берем слово «партия» потому, что нам по вкусу кой-что в его содержании, в его сущности. И тогда — зачем оговорки? Тогда надо прямо поставить вопрос: не о форме нашей *организации*, а о существе нашей *идеи*.

В первом случае, я не вижу смысла в заимствовании пустого для нас термина. Во втором — самая дискуссия бессмысленна, так как ее предмет лежит в другой плоскости.

Отрицательно мое отношение к идее партии также и по *практическим* соображениям.

Я нахожу, что эта идея неизбежно внесет новую неурядицу, новую междоусобицу в наши, и без того расстроенные, ряды.

Кого из анархистов соблазнит и сможет сблизить, спаять «анархическая партия»? Думаю, очень немногих: в особенности, если принять во внимание наши существующие идейные разногласия и течения. При их наличии создать сколько-нибудь значительную партию (а играть в бирюльки стоит ли?) — по-моему, иллюзия. И ликвидировать эти разногласия можно, на мой взгляд, отнюдь не организацией партии, а совершенно другим путем. Или сторонники партии серьезно расчитывают об'единить значительное большинство активных анархистов и сказать по отношению к остальным: тем хуже для них? Я очень сомневаюсь в таком результате.

Затем, возникает ряд других практических вопросов, требующих немедленного и определенного решения: Как будет организована эта партия? Интернационально? По национальностям? По образу и подобию других политических партий или нет? И я не вижу возможности удовлетворительного решения этих вопросов, так как само основное положение представляется мне нелепым.

Итак, я решительно против мысли об организации анархической партии.

Что же я предлагаю? Какую форму организации нам следует, по моему, принять?

Я предлагаю, во-первых, искать другого решения.

И я хочу, во-вторых, напомнить товарищам, что известный конкретный шаг в сторону организации анархистов был в свое время сделан украинским анархическим движением «Набат».

Я вовсе не хочу этим сказать, что организация «Набат» была идеалом, который надо в точности копировать. Я хочу лишь указать, что украинские анархисты *искали и нашли известную форму, выработали известные условия и методы анархистской организации, которая не была «партией» и, все же, спаяла активных анархистов в тесно сплоченное целое*. Эта организация может — даже должна — служить для нас, по меньшей мере исходным пунктом при обсуждении и решении даннаго вопроса.

Сущность и история организации «Набат» все еще почти не освещены в нашей печати. Но организационные основания «Набата» изложены в брошюре о первой конференции украинских организаций (в г. Курске, в ноябре 1919 г.) *). И мне думается, на этом моменте деятельности украинских анархистов следует внимательно остановиться каждому, кто задается нашим организационным вопросом.

Я лично намерен в следующей же статье кратко осветить организационный опыт «Набата» и привлечь к нему внимание товарищей, как к некоторой руководящей нити в их исканиях.

Волин.

---

*) Брошюра эта переиздана «Издат. Рабочей Группой» в Аргентине (Буэнос-Айрес), в феврале 1922 г.

О „ВТОРОМ ДНЕ“ СОЦИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Существует и поддерживается представление об анархической революции, как о революции, дающей возможность буквально на следующий день распоясаться всем и каждому, беспрепятственно всем и каждому проявлять свою хваленую самобытность, в чем бы последняя ни выражалась. Часть анархистов жует еще старую жвачку о внезапном чудодейственном установлении анархической коммуны во всей ее красе. С большим трудом пробивает себе дорогу убеждение, говорящее, что много терний лежит между днем изгнания вчерашних повелителей и днем подлинной анархич. коммуны. Но если можно любителям красивой фразы представлять сколько им угодно болтать о будущих красотах, то необходимо в рабочих рядах укрепить ясное сознание того, что анархизм, как идеал рабочего класса, очень мало имеет общего с фантазиями некоторых лиц, говорящих об абсолютной свободе для любого проходимца с первой же минуты проявлять свои способности, каковы бы они ни были. Рабочему анархисту надо знать, что день свержения правительства далеко не совпадает с днем установления идеальной коммуны и безвластия. Правительство побеждено, хозяева прогнаны, но агенты их остались, желание вернуться к старому нисколько не угасло и толкает их на все.

Революция бесспорно произойдет в условиях большого экономич. кризиса, который и выгонит массы на улицу. Однако, так же уверенно можно сказать, что после изгнания хозяев в амбарах и складах будет найдено далеко не столько предметов первой необходимости, сколько понадобиться восставшим. Человек более других повинный в том, что мы рисовали себе «второй день» днем воцарения довольства для всех — Кропоткин — последние годы сам отказался от своего (всеми нами когда-то воспринятого) представления о неисчислимых запасах, в любой момент могущих быть обнаруженными в обществе, решившем покончить с капиталистич. порядками (об этом ясно сказано в его последних предисловиях, послесловиях и примечаниях к по-революционным изданиям «Хлеба и Воли», «Речей Бунтовщика» и др). Самые что ни есть ретивые добровольцы не в состоянии найти запасов, достаточных для населения восставшей территории, там, где запасов нет, и можно смело утверждать, что на «второй день» и в течение пяти, десяти, или более лет, который даже по Кропоткину входят в понятие «вторго дня» революции, никакого «довольства для всех» безусловно не будет, и наш столь пленительный лозунг: — от каждого по способностям и *каждому* по потребностям — по необходимости останется неосуществленным во все годы этого неизбежного «второго дня». Этого нам не только не следует замалчивать, это наоборот, необходимо везде подчеркивать, дабы заблаговременно отмести от нас любителей менять свои, далеко не симпатичные способности на неограниченное удовлетворение всевозможных своих потребностей. Пусть эти любители, уж сейчас засевшие не в малом количестве в анархических организациях, поскорее отпадут и отправятся в другое место искать удовлетворения своим изысканным, самобытно тонким способностям.

Идя в бой за безвластное общество, мы должны помнить, что затруднения, с которыми встретилась октябрьская революция, могут дать лишь слабое представление о затруднениях, с какими неизбежно столкнется революция, начатая во имя анархии. Рабочий класс наткнется на единый фронт всей международной буржуазии и всех капиталистических и полукапиталистических, якобы, рабочих правительств. Перед лицом восставших масс живо найдется общий язык у, обычно не ладящих между собою, представителей буржуазии, у правительств, возглавляемых Брианами, Муссолини, и ярко красных «рабоче-крестьянских» правительств. Самая беспощадная, открытая и тайная, ни перед чем не останавливающаяся борьба будет об,явлена победившему где нибудь пролетариату — война фронтовая, интервенция, блокада, взрывы изнутри, всевозможное внесение расстройства, разложения; ни один способ ослабления врага не останется не использованным владыками вчерашнего дня, которые не захотят послушаться медовых речей наших внеклассовых головотяпов и уверовать, что второй день социальной революции должен стать днем всепрощения и братской любви всех людей. «Второй день» поставит перед рабочим классом необходимость защиты завоеванного, борьбы на многочисленных фронтах в условиях унаследованной разрухи, скромных запасов и общей нехватки. Где уж тут говорить о довольстве, да еще для всех. Где уж тут говорить о гарантиях для каждого проявлять свои способности, в чем бы они ни выражались, как о том поют сейчас на всех перекрестках наши любители абсолютной свободы. Не так уж трудно сообразить, что как раз наиболее крайние сторонники опрокинутого строя наиболее усердные слуги деспотизма и насилия всячески поддержат тех анархо-головотяп, которые на второй день завопят о неограниченной свободе для каждого делать то, что ему заблагорассудится.

Стоит лишь немножечко вспомнить нашу собственную недавнюю историю, напр., предложение сделанное в 1918 г. московской федерации со стороны каких то кругов о совместном выступлении, или попытка Шкуро и К-о войти в соглашение с Махно — да каждый участник может вспомнить подобные ,имевшие место факты.

И вовсе не важно в данном случае, что московская федерация расстреляла посланного к ней парламентера, как не важно в данном случае и то, что Махно расстрелял публично врангелевских посланцев. Важно учесть самый факт попытки использования анархистов и их неопределенных либертарных крайних лозунгов в целях возвращения помещичьего и частно капиталистического господства. Эти факты должны бы научить нас хорошенько присматриваться к людям, громче всех кричащим о неограниченной свободе, громче всех зовущих к немедленному удовлетворению потребностей.

Анархизм не нуждается в том, чтобы заманывать людей обещанием безудержной свободы и немедленного удовлетворения всевозможных потребностей. Нет, с этими баснями пора решительно покончить, или оставить их всецело для самоуслаждения безобидных мещан, которые не прочь после праздничного пуддинга пофанта-

зировать иногда на «высокие» темы. Рабочий класс, выступая под анархическими лозунгами, преследует не какие-то высокопарные, потусторонние идеалы — нет, у него есть прямая и ясная задача перестроить существующее общество так, чтобы избавиться от хозяев и правителей.

Для этого понадобится упорная борьба, с лишениями, жертвами, победами и поражениями и вновь победами и вновь поражениями, пока рабочий класс, прогнавший своих былых господ, изживет постепенно все унаследованные от старого общества предразсудки.

Кого пугает, этот единственный реально-возможный, опытным путем долженствующий укрепляться процесс созидания анархического общества — тот не революционер, тот безнадежный пустослов. Усилия всех сознательных товарищей ,коим дорого будущее нашего движения, должны быть направлены на то, чтобы возможно скорее очистить наши ряды от пустой революционной фразы, от высокопарящих безответственных болтунов, от надклассовых самобытников, — тогда тем сплоченнее, тем успешнее пойдет работа в наиважнейшем направлении — среди трудовых рабочих организаций.

Хлебопек.

* * *

От редакции.— Подобно организационному вопросу, вопрос «второго дня соц. революции» (мы назвали бы его вопросом «первого дня соц. революции»)является насущнейшим вопросом анархического движения. Чего нам до сих пор не хватало и без чего мы не могли продвигаться вперед — это конкретной программы завтрашнего дня. А эта программа не могла и не может быть создана, пока не разработан один из важнейших пунктов программы — практические задания первых дней соц. революции.

К сожалению, т. Хлебопек в своей статье остановился лишь на второстепенных деталях темы — на некоторых искажениях вопроса — и совсем не коснулся существа проблемы — того именно, как по анархически должна протекать социальная революция в своей разрушительной и созидательной стадии и какие положительные задания она должна выполнить.

Мы находим, кроме того, что местами автор сильно увлекается *искусственной* полемикой, построенной на им же самим созданных призраках. Никогда в наших рядах, от лица той или иной фракции или ответственной организации, не говорилось «о внезапном чудодейственном установлении анархической коммуны во всей ее красе» на второй день соц. революции. Всегда, говорилось о длительном *социально-революционном процессе*, который, чтобы привести к цели, должен быть с самого начала анархическим по существу, без чего процесс этот неминуемо приведет к старому. (Собственно, данный пункт полемики т. Хлебопека относится к вопросу так называемого «переходного периода», на котором редакция остановится самостоятельно в одном из ближайших NN «Д. Тр.»).

Будем надеяться, что в своих последующих статьях автор углубит и расширит тему и подойдет к существу вопроса, как он в основе своей стоит перед анархическим движением.

Вопрос первого дня социальной революции редакция ставит в порядок дня журнала и предлагает товарищам, занятым этим вопросом, детально высказываться на страницах «Дела Труда».

МАРСЕЛЬСКИЙ КОНГРЕСС

Печальным и горьким явлением для революционного рабочего движения был международный социалистический Конгресс в Марселе. Несколько сот делегатов, говоривших от имени миллионных масс. 300 ежедневных газет. Импозантные фракции в парламентах многих государств. Рабочие лидеры с титулами министров, губернаторов и т. д. И эти господа собрались в Марселе, чтобы совместно рассуждать о том, как глубже закопать революционное рабочее движение, чтобы наметить точнее линии соглашения с капиталистическими правительствами, чтобы высказать новые лозунги закабаления доверчивых рабочих масс и ослепления их министерскими портфелями и сенаторскими мандатами их вождей.

Одно должно быть ясно для рабочих: Социалистический интернационал уже открыто сбросил с себя маску революционности. Он открыто прокламирует соглашение всякой национальной социалистической партии со своей буржуазией. Он правда весьма «либерален» (Носке!) демократичен и т. д., но ничего общего с классовой позицией революционных трудящихся масс не имеет. Международное социалистическое движение стало откровенно на платформу либеральной буржуазии и потому, как революционный фактор, в счет не идет. Доказательство тому — политические события последних лет в Англии (тихий союз Макдональда с либералами), во Франции (сотрудничество социалистов с Эррио), в Бельгии (теперешний кабинет), в Германии, Австрии и Болгарии, где социалисты целиком приняли точку зрения защиты национальных интересов. Следовательно приняли национальную войну, милитаризм и.т.д. Это есть путь сотрудничества и соглашения классов, а не путь классовой борьбы. Это вещи не новые. От социалистов, как союзников буржуазной демократии, недостаточно отмежеваться. С ними следует активно бороться. Буржуазия может спокойно спать. Ее классовые интересы будут отныне защищаться социалистами.

Стоит ли писать о Марсельском Конгрессе? Конечно, стоит, чтобы показать рабочим массам до какого бесстыдства дошла политиканствующая деятельность «революционных» марксистов.

Вопрос борьбы с войной. В этой «борьбе» социал-демократия имеет свою «традицию». Ведь когда в 1914 г. вспыхнул пожар мировой войны, то международное социалистическое движение с его звонкими фразами рас-

палось в пух и прах. Немецкая социал-демократия вотировала тогда в парламенте кредиты для ведения войны. Во Франции социалист Альбер Тома принял пост министра амуниций. Социалистический интернационал и интернациональная солидарность оказались пустой фразой. И теперь, когда на Марсельском Конгрессе ставится вопрос о борьбе с войной и милитаризмом, то Вандервельде убаюкивает всех фразами о гарантийном договоре, о пактах, об арбитраже, о лиге Наций и прочим вздором. Чтобы доказать рабочим всю несостоятельность этих фраз, достаточно привести речь Чемберлена на последней — шестой — сессии Лиги Наций. Ведь Чемберлен облил всех этих человеколюбивых пацифистических фразеологов ушатом холодной воды.— «Можете биться или не биться; поскольку это не касается Англии, мы не желаем вмешиваться»— вот смысл «пацифизма» Лиги Наций. Речь Чемберлена является открытой, циничной, но тем более ценной в своей откровенной постановке вопроса. Только так, а не иначе может поставить вопрос капиталистическая держава. А социалисты не желают понять, что война есть следствие существования империализма и капиталистического строя и что единственный путь борьбы с милитаризмом есть путь социальной революции. Социалисты, привлекая внимание масс к Лиге Наций, отвлекают их внимание от приготовления к борьбе с войной. Плодом этой их преступной деятельности может явиться то, что в будущую войну массы вновь окажутся бессильными противиться ей и будут погнаны в армии на мировую бойню.

Бельгийский делегат де Брувер, предлагая в деле защиты 8 часового рабочего дня, принятого правительствами на известной вашингтонской конвенции следующую меру: бойкотировать товары, приходящие из стран, где не выполняется вашингтонская конвенция. Мера хорошая, но мы не верим, чтобы социалисты когда нибудь ее выполнили. Социалисты давно отвыкли от методов непосредственного действия. Генеральной стачки, напр., они страшатся пуще дьявола. Этот прием есть не более, как красивый жест для того, чтобы создать в массах иллюзию, будто социалисты действительно борются за благо трудящихся.

Вопросы о Марокко и о политике Испании и Франции переданы Лиге Наций. И действительно, незачем социалистам иметь собственное отношение к этим вопросам, ведь их постановка вопроса и отношение к нему почти всегда отождествляется с постановкой и отношением буржуазии. Вообще колониальный вопрос социалисты собираются решать не раньше 1927 г. Им, видно, не к спеху. И это в то время, когда в Египте, Индии, Китае и др. порабощенных странах идут восстания против гнета европейск. капитализма.

В связи с колониальным вопросом интересно отметить отношение французской социалистической партии к марокканской войне. Как известно, она не предприняла ни одного серьезного шага против этой войны. Перед массами нужно было, однако, засвидетельствовать, не стукнув пальцем о палец, свое «отрицательное» отношение к колониальной политике французского правительства. Надо было найти козла отпущения. Такой козел отпущения нашелся в лице социалиста Александра Варенна. А. Варенн назначен недавно губернатором Индо-Китая. Казалось бы ничего страшного в этом нет. Ведь были же социалисты не только губернаторами, но и министрами и даже министрами «Его Величества». Ведь был же вышеупомянутый социалист Альбер Тома вице-министром вооружения. Но здесь выступила потребность сделать красивый жест перед массами.— «Мы, мол, нашего социализма за пост губернатора не продадим»— и последний конгресс французских социалистов исключил Варенна из партии. Такие ничего нестоющие жесты есть типичнейшая черта всех либералов и социалистов. Это прекрасное средство обманывать массы. Таким же жестом было освобождение Макдональдом, вначале его управления Англией, вождя революционной Индии — Ганди. Но это ничуть не помешало Макдональду применять потом самые реакционные меры вплоть до вооруженного подавления волнений и революционных восстаний трудящихся Индии и Египта.

Интересным вопросом конгресса было отношение Социалистического интернационала к Советской России. Здесь столкнулись два мнения. Одно Каутского, который недавно написал брошюру о русском вопросе; второе Бауэра. Каутский — сторонник борьбы «до конца» с Сов. Россией. Он не останавливается даже перед интервенцией западно-европейских держав во внутренние дела Сов. России. Как видим, его точка зрения сходится с отмеченной нами точкой зрения русских монархистов. Мнение Каутского, однако, не нашло широкого отклика. Куда умереннее, но зато практичнее и умнее, с социалистической точки зрения, мнение Бауэра. Не нужно быть особенно проницательным, чтобы видеть, что Сов. правительство «демократизируется» т.е. все более приближается к типу социал-демократического правительства. Бауэр это видит и поэтому является противником острой борьбы с совправительством. По его мнению надо искать новых путей соглашения, договариваться, искать единой платформы и т. д. Большинство конгресса склоняется повидимому к мнению Бауэра.

В общем конгресс вызвал к себе меньший интерес, чем можно было ожидать. Наше впечатление таково: социал-демократия есть большая сила. Но это не есть новая молодая воспламененная яркой идеей могучая социальная сила, идущая на смену старому миру рабства и предрассудкам. Это есть то же рабство и предрассудки лишь в несколько иной форме. Социал-демократия есть колосс, который в конце концов должен лопнуть от ожирения или же пасть под своей собственной тяжестью. Пожелаем же ему от души скорейшего падения. Дело трудящихся от этого только выиграет.

Я. Валецкий.

РОССИЯ

ХРОНИКА ГОНЕНИЙ

Из Москвы сообщают о расстреле 11-ти максималистов.

Арестован один из братьев Гординых и помещен в психиатрическую больницу.

«КОНТР-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ»

Мало отмеченным в нашей прессе и совершенно не отмеченным в рабочей прессе Европы прошел арест 80-ти наших товарищей в Питере 8-го февраля. Между тем нам кажется, что следовало бы остановиться на этом аресте.

Во-первых, он произошел 8-го февраля, в годовщину смерти П. А. Кропоткина, и есть предположение, что товарищей взяли на собрании, куда они сошлись почтить память нашего учителя.

Во-вторых, арестованные — рабочая и студенческая молодежь, которая старалась развивать себя и искала путей для выхода Русской Революции из тупика, в который вогнала ее ныне правящая в России партия «коммунистов»-большевиков.

Мы знаем некоторых из этих молодых товарищей. Знаем, в чем можно было их бы «обвинять».

Эта рабочая-студенческая молодежь, которая прилагала все усилия к тому, чтобы развивать себя умственно и найти истинные пути социальной революции. Вот в этом-то их и можно обвинить. Но их обвинили, конечно, в контр-революции, бандитизме и т.д. Так выгодно «коммунистам» пред лицом рабочего класса России, а особенно Европы и Америки.

Нет сомнения, что многие рабочие совершенно искренно верят до сих пор, что в России, кроме уголовных и бандитов, никто не арестовывается и не сидит в тюрьмах. Они верят скорее красивым сказкам коммунистических газет о советском рае, нежели нам, бывшим в России и видевшим этот рай.

Нам хочется дать краткие сведения об одном товарище из арестованных, которого мы хорошо знаем.

Имя этого тов. — *Мария Полякова.* Курсистка медицинского факультета Московского Университета, она усиленно изучает социалистические учения и через некоторое время уходит в анархическое движение, вполне сознательно избрав свой путь для борьбы с несправедливостями, которые она видит вокруг себя. Мария бросает университет на третьем курсе и уезжает в Питер. Здесь она находит себе работу, как сиделка в рабочей больнице за Московской заставой,. На этой работе она делает все возможное, чтобы облегчить участь больных товарищей труда. Плохо одѣтая, в рваных ботинках, питающаяся впроголодь, она отдает большую часть своего мизерного заработка семьям больных и заключенных наших товарищей. В то-же самое время ведет усиленную работу над саморазвитием. Ее примеру следуют и другие молодые рабочие.

Через некоторое время, Мария едет работать на завод, как работница и здесь все ее любят, как идеалистку и честного преданного друга-товарища.

Она всегда и везде протестовала против несправедливостей, чинимых над рабочими. Как видно, за это ее и другую молодежь и арестовали в качестве «контр-революционеров».

В знак протеста против своего ареста товарищи об'явили голодовку. Голодающих взяли ночью, усадили в грузовик; некоторые были раздеты; в таком виде их отправили на этап для отсылки в Соловки.

Когда их привезли в город Кемь, недалеко от Соловков, товарищи вынуждены были об,явить вторую голодовку, против обращения с ними, как с уголовными. Чекисты раздели их, сняли даже рубахи, и в таком виде бросили в барак.

Восемь человек были затем отправлены в Ярославль и заключенны в полит-изолятор и теперь вновь переведены в Челябинск. Их имена: *Матвей Зипушин, Мария Полякова, Михаил Золовский, Иван Сычев, Анатолий Денисов, Николай Денисов, Федоров и Борисов.*

Следующие товарищи сосланы: *Иосиф Бромберг*, студент, и *Рая Шульман*, курсистка Института Истории и Искусства, в Ташкент.

Александр Покровский, студент, в Аулиэ-Ата (Киргизия).

Николай Гончаров, студент Политехнического Института, в Турт-Куль (Петроалександровск).

Шмидт, рабочий,— в Урду.

Вениамин Рыков, рабочий, *Александра Кварчевская*, курсистка, и *Александр Драгуль*, военмор, в Уральск.

Многие сосланы в Усть-Сысольск, Нарым и другие гиблые места.

Имена остальных товарищей, разбросанных по ужаснымъ местам Сибири, Севера и Туркестана, пока нам неизвестны.

Судьба арестованных видна заранее: раз попав в цепкие лапы коммунистических охранников, они обречены на вечные скитания по тюрьмам и ссылкам, подобно большинству наших товарищей. Им уже не вырваться из мертвящих об,ятий...

Семен Флешин.

ПИСЬМО ИЗ ССЫЛКИ.

Дорогие друзья, выше письмо получила месяца два назад. Писать вам давно хочется, главным образом, чтобы получить ответ. Ваши письма вносят некоторое разнообразие в нашу жизнь. Ведь не так часто приходится получать весточку из другого мира.

У нас большая перемена, покинули святые места (Соловки) и перебрались в степи. Святым духом здесь даже и не пахнет; совсем похоже на юг, солнце не только светит, но и греет, иногда довольно сильно.

Еслиб я была художником, то написала бы вам о нашем путешествии сюда, но своим бедным, неуклюжим языком даже и не пытаюсь. Ехали мы долго: на пароходе, поѣздом, а последние три дня на лошадях по степи. Краем глазом видели Уральские горы. После Севера степи произвели большое впечатление разнообразием и красотой своей природы. О здешней жизни напишу как-нибудь в другой раз.

Чувствую себя сносно; сейчас хожу, кушаю; хотя приходится сидеть на диэте, но никак нельзя сравнить с прошлым годом,— тогда лежала на спине и ничего не могла есть. С нетерпением жду ответа.

НЕ ЗАБЫВАЙТЕ О ЗАКЛЮЧЕННЫХ В БОЛЬШЕВИСТСКИХ ТЮРЬМАХ ТОВАРИЩАХ.

Мы уже сообщали на страницах «Дела Труда» о том, что наши товарищи, находящиеся, как в большевистских тюрьмах, так и в большевистской ссылке, сильно нуждаются материально. За годы пребывания на большевистской каторге многие из них нажили туберкулез, цынгу и другие разрушающие здоровье болезни. Но и в таком состоянии они могли просуществовать лишь благодаря той материальной поддержке, которая время от времени поступала к ним со стороны заботливых товарищей. Не будь этой поддержки, многие из них, несомненно, умерли бы.

В настоящее время часть товарищей продолжает находиться в тюрьмах и концлагерях, часть в ссылке. В то же время продолжаются новые аресты и заключения. Все — и ссыльные, и заключенные — попрежнему остро нуждаются в материальной помощи. По вопросу об организации этой помощи мы непосредственно сносились с находящимися в России т-щами, предлагая им связаться со всеми заключенными и ссыльными и организовать им постоянную помощь. В ответ на это товарищи из России пишут:

«Вопрос о помощи заключ. товарищам мы тщательно обдумали и находим, что можем принести большую пользу нашим заключенным товарищам, если возьмемся за это дело. С основной частью заключенных и ссыльных мы связаны и переписываемся. С остальными, отдельными одиночками, свяжемся. Мы думаем, что средства сможем распределять с наибольшей пользой для всех. Если окажутся такие, о которых знать не будем, то это лишь до поры до времени. В ближайшее время просим выслать некоторую сумму денег для товарищей, находящихся в особо тяжелом положении в тюрьме и больнице. Следовало бы теперь же помочь многим товарищам, находящимся в разных ссылках, а также освобожденным, хотя бы в первые два-три месяца. Не многим удается быстро устроиться после «освобождения». Есть такие, которые буквально голодают.

Соловки ликвидированы и все оттуда вывезены. Лагерь остался только для уголовных. Обратно в Соловки привезен и посажен на уголовный режим один наш товарищ, которого большевики стремятся таким путем донять и заставить перейти к ним. Большинство наших в Верхне-Уральске. Часть оставлены в Кеми. Там почти все матери с ребятами».

Отзовитесь же, товарищи, на призыв о помощи!

Группа Русск. Анарх. заграницей.

БОЛГАРИЯ

Сведения о непрекращающемся правительственном терроре в Болгарии, продолжающие поступать из различных источников, рисуют нам положение наших товарищей и иных революционеров в крайне мрачных красках. Каждый день прибывают известия о новых убийствах, поражающие своей жестокостью. Ниже мы даем ряд извлечений из писем, повествующих нам о новых убийствах, пытках, арестах, и т.д.

Пусть товарищи внимательно прочтут их. Пусть каждый за себя решит, что он может и должен сделать, чтобы помочь своим братьям в Болгарии.

ИЗ ПИСЕМ.

«...Не стану перечислять здесь тех жертв, которые взяты «по закону»... О них вы знаете. Назову только тех, что убиты без суда и следствия. О них ни газеты не писали, ни родители их никаких вестей не получили. А много их, очень много и не всех их имена нам известны.

Пишу вам только о товарищах нашего района.

Еще в день аттентата (16 апр.) произведены были аресты во многих сёлах нашего округа. В г. Лясковец (Горно-Оряхова) арестовали почти всех анархо-коммунистов и через несколько дней всех их перебили в Тырновской казарме, бросив их трупы в реку Янтру. Ужасным в этой экзекуции было то, что их ни расстреляли, не повесили,— они умерли под пытками. В Тырновских казармах «следствие» производили т.н. «контр-четисты»; между ними фигурируют закоренелые преступники, осужденные в свое время на долгие сроки тюрьмы и теперь освобожденные как специалисты по истязанию людей. Таков разбойник «Тумбето» из села «Дебелец» (Тырновск. район); таковы и все другие — развратные типы, пьяницы и шулера. Все они за «работу» получают по 200 лева в день и, конечно, усердствуют сильно: жгут волосы на голове истязаемого, всячески издеваются над ним и затем приказывают лечь на спину. Каждой жертвой занимаются 3 палача: двое из них становятся по обеим сторонам жертвы, а третий — ухватившись за них, танцует на груди и животе жертвы, покуда не устанет... на смену ему приходят другие, и пытки продолжаются. Это происходило каждую ночь со всеми арестованными. Из них только тот выживал, кто был физически более здоров. После избиений втечение нескольких дней никому не разрешалось выходить во двор, чтобы никто не видел их вздувшихся и посиневших лиц. Кроме того, им не давали ни хлеба, ни воды... В результате этого невыносимого режима умерли следующие товарищи:из Лясковеца: Коста Казанджиев, Димитр Матров, Георгий Пыргов, Христ Кисьов, Паню Драгнев и Пенто Волев.

Паню Драгнев убит только за то, что плюнул мучителям своим в лицо во время сильных пыток и сказал им: «Никто не в состоянии изменить моих убеждений; ваш кнут и ваша дубина слабее моего духа »

За городом (Лясковец) убит товарищ Марин Прапинов. Сейчас же после аттентата он скрылся, чтобы не попасть в руки палачей, но когда в городе произвели

повальные обыски, то в числе других задержали и его, а затем убили. Много Лясковчан оставалось еще в Тырновских казармах. Что стало с ними — не знаю. По последним сведениям из этих мест, в Лясковце убито новых 10 человек, которые не могли указать полиции местонахождения нелегального Моско Рашева (ныне убитого).

Из Горной-Ореховицы убит Марю Райчев. Целый месяц его таскали по участкам, обвиняя в разных вымышленных преступлениях, но следователь каждый раз возвращал его за неимением улик. Несколько раз избивали его и наконец освободили... Но в тот же день он исчез... Труп его нашли в реке Янтре. Убит он был несколькими ударами ножа в грудь.

Тов. Слави Райков из села Стражица (Горно-Ореховский район), после того, как его сильно избивали в Горно Ореховском участке, Тырновских казармах и Тырновской Общественной Безопасности, наконец был убит в последней. Этот брат на своем веку перенес много пыток. Ему было 32 года.

Тов. Тодор Нейков, из того же села, вследствие сильных побоев, нанесенных ему охранниками Тырновск. Общ. Безопасности, сошел с ума. (Случаев сумасшествия в Болгарии в последнее время — особенно много).

В селе Дыскот (Горн. Орях.) в перестрелке с «контрчетистами» убиты Петко Константинов и еще один товарищ.

У села Ресен (Горно-Оряхв.) убит нелегальный тов. Стоян Златарев («Синко»). В селе Калифарево (Тырнов.) расстрелян Денчо Палазов. Много еще имеется убитых, но я назвал здесь только наших товарищей, анархистов. Среди убитых многие никому не известны. Большое число жертв дали и коммунисты. В селе Калифарево убили двоих. Один из них бывший «кмет» (староста) села — Сараков, убит «при попытке бежать» перед самым домом своим. Особенно трагична смерть коммуниста-адвоката Сотира Зринова из Горной-Ореховицы. Он был сыном слепого нищего... После сильных побоев в городе Свищове, он сошел с ума и в этом состоянии охранники заставили его «признать», что в конспиративной коммунистической организации числятся все, более или менее видные коммунисты округа, имена которых он под их диктовку, и написал (Впоследствии двух комм. из этого числа приговорили к смертной казни, и экзекуция их ожидается в близком будущем). Прийдя на момент в себя, Зринов сквозь мглу своего помешательства представил себе картину нечеловеческих страданий, ожидающую его товарищей и... решился на самое страшное самоубийство... *Впродолжение 15-ти минут он резал себе стеклом вены на руках и шее*, наблюдая струящуюся из них теплую кровь. Можно себе представить, сколь ужасны истязания, если человек предпочитает им столь мучительную смерть.

Этот трагический случай научил палачей новым методам пыток. После смерти Зринова многие были замучены подобным-же образом и власти обыкновенно сообщали об этом, как о «самоубийствах». Оставшиеся в живых нелегальные товарищи (а число их после взрыва сильно возросло) бродят рассеянными в горах..

Некоторые из них успели образовать вооруженные отряды — «четы» и оказывают сопротивление нападающим на них правительственным бандам.

Но они с каждым днем редеют: безжалостная смерть стережет их на каждом шагу, под каждым кустиком, за каждым деревом, или бугорком.................................
....»

Г.

ПРИВЕТСТВИЯ « ДЕЛУ ТРУДА ».

Получив первый номер журнала «Дело Труда», мы, группа безначальцев гор. Филадельфии, приветствуем его появление и считаем своим товарищеским долгом поддерживать его, как морально, так и материально, хотя на первый раз наша материальная помощь очень скудна, но обещаем в дальнейшем ее увеличить. Для этого основываем фонд в пользу журнала «Дело Труда», который будем стараться заполнять и периодически высылать в редакцию журнала «Д. Тр.».

Желательно, дабы и другие организации примкнули к общей работе по изданию журнала «Д. Тр.», который действительно является единственным выразителем на русском языке нашего политического мировоззрения, основывающегося на почве безвластнических идей анархизма.

Прилагая при сем пять долларов, в дальнейшем обещаем увеличить нашу помощь с целью увеличения размеров журнала «Дело Труда» хотя бы до 16-ти страниц.

Группа безначальцев гор. Филадельфии.

Приветствия «Делу Труда» редакция получила от Об-ва «самообразования» гор. Рочестера, от Союза Российск. Тружеников г. Нью-Іорка, от Союза Об,единенн. Анархистов Сев. Америки,из Эмбрида, Па (Сев. Ам.) и от некоторых т-щей, находящихся в большевистской ссылке в России.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Приступая к изданию «Дела Труда», Группа Русских Анархистов Заграницей в числе программных вопросов журнала обсудила и вопрос фракционной и личной полемики в анархич. прессе. Считая, что такая полемика ничего, кроме вреда, не принесла нашему движению в прошлом и не принесет в будущем, Группа решила таковую полемику не допускать на страницах «Дела Труда». На этом основании редакция «Д. Тр.» дважды отклонила печатание документов, содержавших элементы личной полемики и личной тяжбы, и в дальнейшем будет придерживаться принятого решения.

Le Gérant: Jules CHAZANOFF

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange - Paris